

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 14 (2277) Суббота, 30 марта 1946 г. Цена 45 коп.

ПОДВИГ ТРУДА

Верховным Советом Союза Советских Социалистических Республик принят Закон о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946—1950 гг. Закон устанавливает, что в ближайшие годы будет решена задача — «восстановить пострадавшие районы страны, восстановить довоенный уровень промышленности и сельского хозяйства и затем превзойти этот уровень в значительных размерах».

Новый пятилетний план встретил горячее и деятельное одобрение советского народа. Повсеместно идет обсуждение перспектив развития нашей страны по новому великому плану работ, определяется доля труда каждого из нас в деле выполнения и перевыполнения плана. По опыту прошлых пятилетних планов советские люди знают, что большевистская партия, советское правительство ставит перед нами высокие задачи, точно определяя реальные пути достижения этих целей. Закон о пятилетнем плане отвечает коренным жизненным интересам всех советских людей, является выражением общенародной воли сделать свою родную еще более могущественной. Борьба за выполнение и перевыполнение плана — жизненное, насущное дело всех советских людей, оно раскрывает новые источники трудового энтузиазма, она возмещает рожденный социалистическим строем жизни принцип социалистического соревнования в труде, повышает сознательность советских людей.

На всех этапах развития нашей родины — в годы мирного труда и в испытанных войной — советский писатель делил с народом его судьбу, был вместе с народом, среди народа. Это великое преимущество советской литературы, как подлинно народной, несомненно, даст свои результаты в борьбе за выполнение и перевыполнение плана великих работ.

Многие надеждат продумать советскому писателю для того, чтобы верно определить свое место и свою долю труда в общенародном подвиге. По пятилетнему плану неизмеримо повышается культурный уровень народа. Об этом говорит не только специальный раздел Закона, озаглавленный «План повышения материального и культурного уровня жизни народа и содержания красноречивых цифр роста народного дохода, развития дела образования, увеличения общего количества театров, кинотеатров, библиотек и других культурных учреждений». Об этом говорит Закон в целом — все содержание, смысл его. Через все разделы Закона проходила мысль о том, что выполнение нового пятилетнего плана требует — и реально обеспечивает — неизмеримого повышения культурного уровня людей. Выдающийся чертой нового пятилетнего плана является положение об отеческой роли науки в народном хозяйстве. В советском государстве всегда неуклонно проводился принцип соединения теории и практики, и все достижения науки находили практическое приложение. Новая пятилетка представляет невиданно широкие перспективы для научных исследований, в подлинно государственных масштабах будут практически реализованы все завоевания человеческой мысли. Выдающейся чертой нового пятилетнего плана является также принцип механизации труда. Существенные намеченной программы в этой области повелевает за собой новый период жизни в массах, является источником культурного роста народа, послужит основой повышения производительности труда, т. е. делает труд еще более сознательным, творческим. В конечном счете это определяет собою опять-таки вполне реальный путь общенародного культурного подвига. Намеченное по плану повышение в 1950 г. производительности труда на 36 процентов сравнительно с довоенным уровнем говорит само за себя, — это убедительнейший аргумент роста культуры народа.

Самая борная за выполнение пятилетнего плана, всенародная по своему характеру, является огромной школой жизни, культуры, выносливости, сознательности советских людей. Великий народ, вышедший из испытанных подвигами в истории войн победителем, выдвигает перед собой высокие и благородные задачи, полон решимости не только выполнить, но и перевыполнить их. Открывается широкое поле для проявления одаренности, ума, таланта советских людей.

Обусловленный всем содержанием Закона подвиг самосознания и культуры народа по которому обязывают советских писателей. Неизмеримо выросший миллионный советский читатель предельно серьезные и обоснованные требования к литературе. Вопросы идейной вооруженности, мастерства, способности видеть и познавать главное, решающее в народной жизни — сейчас для советского писателя ставятся с особой остротой. Идея передовая, народная советская литература должна достичь новой ступени своей зрелости, чтобы выполнить почетное назначение быть во главе новейшей истории героического подвига советских людей.

Так же, как и в годы войны, когда советские писатели были с народом, среди народа, и это положение было наиболее благоприятным, сейчас — в дни великой борьбы за новую отрезку исторического пути к коммунизму, место писателя там, где решаются главные задачи эпохи. Творческую биографию писателя определяет сейчас степень их участия в борьбе за выполнение и перевыполнение пятилетнего плана. Разнообразен и богат арсенал средств, которым располагает наша литература. Разнообразны духовные запросы советского читателя, на множество вопросов ищет ответа в литературе. Законно возникают в ближайшие годы явления капиталистических произведений — в драме, поэзии, прозе — о Великой Отечественной войне советского народа, о победе и путях к ней, о всемирно-историческом значении этой победы, о природе человека, воспи-

Шалва ДАДИАНИ Нафская скала

Тот древней сказке богатырь дал имя. Мечта народа в ней воплощена. Преград таких на свете не бывало, С каковыми бы не слагал Караман.

Теперь Окало, Энкасара, Бах бах-деви Всех он поверит и стер с лица земли. Ожидая враг стеснил его дружины. Тот гляди о Кичуцу скалу!

Раздавит их. Нет выхода. Погибнут! Тут богатырь бессильен. Злобный враг Став издеваться: что же? Помоги. Вдруг богатырь приблизился к скале... Одно усилье, взмах... и оторвал Скалу от почвы. Поднял, и вознес, И так держал... Вонка прощан под нею.

Сказанье ныне обратился в явь. Он с нами — современник, соплеменник — И мистерия и разума пример. Он множество свершил делней славыных. Он утвердил устои государства, Досель невиданного на земле. Его заботой страны расцвели, И стал навеки надежен их фундамент.

Он народилась зависть. Зашипел, Из гнезд полезли змеи и драконы, А он свой путь спокойно продолжал. Когда же поднялся самый гнусный змей И переполз рубеж, и пасть ощерил, И встала гибель Кафской скалою, И черная все выходы замкнула, И ночь на мир стальной навела... Герой восстал, беструсый, во весь рост.

Он обхватил могучими руками Скалу погибшей и много лет Держал взнесенной — и народ свой спас. Потом скалу обрушил на дракона, Сломал хребет змеи и разозлил Главу... И мы вздохнули полной грудью.

Так выпьем же за здравие того, Кто превзошел величьем Амрана. Посм его! Хаваа ему в веках!

Перевел с грузинского С. ШЕРВИНСКАЯ.

А. ВЕНЦЛОВА Молодость

Как хорошо холодной ночью зимней При свете очага перебирать листы, В которых — шелест трав, серебряные ливни.

Уютно в комнате, и засидишься ты, Невольно слушаешь стенания непогоды И жалбы дубов на зимние негоды.

Забываете читать ты вначале, Как повесть давнюю о юности своей, Где много вздохом, слез и счастья, и печали, и минувшего тепла перегоревших дней.

Ты перечтешь письмо, вздохнешь, и улыбнешься, О, молодость моя, сегдняя ты вернешься! Ты в комнату мою войдешь порой ночью, Протянешь руку мне в заветной тишине, Напомнишь мне слова, избалованные мною, Слова, что некогда шептала только мне, Когда цвела степи, неярко лиловая... Любовь моя, прости и снова будь моею!

Перевела с литовского Сусанна МАР.

Шла ты со мной гремиши полей боя, Смелательно тропил в грядущее дела, Горело звездным все небо голубое, И гасли звезды вдруг, но ты была светла! И тлеющую лань в своей руке сжимая, Победу верил я и радовался маю.

Как хорошо холодной ночью зимней При свете очага перебирать листы И звать, что шумят серебряные ливни, Заснежен лес и зашуршит цветы. Весна близка уже. Рождая, до свиданья, Ждут на пути меня и счастье и страданья.

Перевела с литовского Сусанна МАР.

1 стр. Шалва ДАДИАНИ. Кафская скала (стихи). А. Венцлова. Молодость (стихи). К. Зелинский. Поэт осетинского народа. По советской стране. Пленум ССП Туркмении. У писателей Украины. Литературная жизнь Урала. Информация.

2 стр. Н. Гудзий. Избранный Толстой. А. Тарасенков. Неспешные намерения. Максим Рыльский. Я никогда не знала... (стихи). А. Елистратова. «Трое в новых костюмах». И. Нович. Новый Ленинский сборник.

3 стр. А. Гурвич. Мелкое умячание и большой вальс. Татьяна Эсс. Главная тема. М. Ильин. Книга о науке.

4 стр. Федор Кельин. Народный поэт Испании — жертва Франко. Х. Василев. «Село Борово». В. Викторов. 60 лет ВТО. А. Ладейшкова. Ф. М. Решетников. В Союзе советских писателей СССР. Творческие вечера Гегема Саряна. Стихи Льва Длинга. Неудачные сборники. Информация. Новые книги. На редакционном совете.

К. ЗЕЛИНСКИЙ ПОЭТ ОСЕТИНСКОГО НАРОДА

К 40-летию со дня смерти Коста Хетагурова

Коста Хетагуров... это имя каждого осетин пронизано с чувством благоговения. Это самосия и талант народа. В октябре 1939 года, когда праздновалось восьмидесятилетие со дня рождения поэта, мне довелось посетить аул Нар, где он родился и провел свое детство. Из далекой дорога сначала налет по степи, потом по дикому алагирскому ущелью, где вьется Военно-Осетинская дорога. Она ведет на другую сторону кавказского хребта, в окрестности Осетии.

Жители аула встретили нас на пороге своих домиков, обмозгованных глиной. Холодно вышло с гор, уже покрывавших снегом. И я представил себе, как когда-то на этих склонах пятилетний мальчик Коста Хетагуров пас овец. Он глядел в долину, откуда падали росы скалы, и по ночам прислушивался к вою шакалов, подходивших к жилью человека. Вспоминал, вспоминая детства навеяно его стихи, написанные им в этом ауле: Стихот. мертвые ворон. Страшна буря вой... Убит на круче черной Нар, ая глыбокой. На крутой глыбе. И орешником глеву Ничета сохнула Горышко в дождю. Детям говорили: «Вот библ. великая! А как ваяла?» Я бываю для тебя.

Четырнадцатилетним мальчиком Коста Хетагуров попадает в губернскую гимназию в Ставрополе. Он начинает писать стихи, рисовать акварелью и маслом. Он увлекается произведениями Пушкина и Лермонтова, зачитывает наизусть их вольнолюбивые стихи.

Царские власти подозрительно относились к стремлению горцев получить образование. Исключенному из ставропольской гимназии за «вольномыслие» молодому осетину удается попасть в Петербург, в Академию художеств. Он учится у таких известных художников, как Верещагин, Г. А. Яковлевский. Но Хетагуров не дал окончить Академию: его лишили стипендии, и ему пришлось вернуться на родину.

Здесь Коста Хетагуров сразу становится центральной фигурой осетинской интеллигенции. Его стихи в рукописях расходятся по рукам. Он организует первое осетинское издательство, театр, пишет драмы. Царские власти быстро замечают Хетагурова. Сначала было запрещено печатание книги его стихов. Потом, придвинувшись к высылке Хетагурова против закрытия осетинского школьного, его выследили на пятый лет за прозой Осетин.

В 1899 году Коста Хетагуров пишет: «Каждое слово мое, каждое движение мое, каждое движение мое, каждое движение мое...»

Каждая строка Коста дышит любовью к родному народу:

1906 года в селе Георгиевское, Осетинском Карачаевской области (ныне село Коста Хетагурова). На его похороны собрались представители многих народностей Северного Кавказа.

Хотя книга стихов Коста Хетагурова «Ирон фандар» («Осетинская лира»), вышедшая в 1899 году на осетинском языке, и была тогда конфискована царскими властями, но в народе его стихи жили, передаваемые из уст в уста. Зимой, в темные вечера, в садах, когда в очаге горит огонь, или на праздниках горы собирались в круг, чтобы слушать стихи своего любимого Коста. Многие из этих стихов стали народными песнями. Но только при советской власти «Ирон фандар» была издана и на русском осетинском, и на русском языках. Книга многократно переиздавалась. Отдельные стихи Коста переводились, кроме русского, на украинский, белорусский, грузинский, азербайджанский, армянский, татарский и якутский языки.

Поэзия Коста Хетагурова насыщена общественными мотивами, чувством протеста против угнетения родного народа. В ней мы видим картины суровой горной природы, сцены из жизни крестьян, пастухов, слышим признания человека, любящего мир, в человечество, жаждущего счастья и добра. Вот строки, характерные для осетинского поэта: «Весь мир мой храм, любовь — моя святость, вселенная — отечество мое».

Каждая строка Коста дышит любовью к родному народу:

Я счастья не ждал, но я готов свободой. Любимый я люблю, как счастьем, дорожить, Отдать за шаг один, который был наружу. Я мог колыхнуться к свободе пролетать.

Люди черпали силы для борьбы, читая стихи Коста. Коста Хетагуров представляет собой за-

мечательную личность, многостороннее замечательное творческое устремление своего народа.

Он явился как бы предвестником возрождения осетинского народа после революции. Революционная мысль народа заявила о себе в его произведениях яркая и последовательная. Он говорил с царскими властями с громадным чувством достоинства и гордости за свой народ.

Коста Хетагуров был не только поэтом, но, как мы уже сказали, и живописцем. В своих картинах он также обращается преимущественно к темам, которые дали бы ему возможность сказать правду о положении своего народа при царизме. Таковы его картины: «Летя на камешках», «Горняк за водой» и другие. Коста Хетагуров подлинно может быть назван человеком, с наиболее полной и смелой выразительностью осетинского народа.

Яркое и многостороннее творчество Хетагурова представляет принципиальный интерес сегодня и с другой стороны. Оно учит нас глубже понимать пути развития передовой культуры в нашей стране. Оно показывает, какую громадную роль играла деятельность передовых русских людей для формирования мировоззрения интеллигенции различных народностей и племен, живших в России. Для Коста Хетагурова русская литература была родной литературой. Как заметил поэт писав и на осетинском, на русском языках.

Со школьной скамьи для Хетагурова стали близкими и родными книги Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Крылова. Особенно Хетагуров любил Лермонтова, мятежный дух которого близок осетинскому поэту. В одном из своих обращений к Осетии Коста писал о Лермонтове:

Возлюбил твои мрачные скалы...

Песня «Дуна», написанная Хетагуровым на русском языке, ставилась на сцене. В своей стихотворной повести на русском языке «Фатима» Хетагуров также знакомит читателя с осетинской жизнью.

Когда читая Хетагурова, вспоминаешь слова его современника, известного грузинского поэта-демократа Акакия Церетели, сказанные им в одной из статей в 1913 году: «Наша молодая Россия, с которой мы желаем итти рука об руку не только для осуществления национальных, но и общечеловеческих идеалов, которые называются братством, единением, равноправием» («Класс»).

В революционном подполье тогдашней «молодой России» работали Ленин и Сталин. Но прошли годы, прежде чем победоносное дело Ленина — Сталина и мечты Коста Хетагурова и Акакия Церетели о развитии национальной культуры их народов смогли осуществиться при советской власти.

Коста Хетагурова чтут и любят читатели всех народов Советского Союза. Песни и стихи Хетагурова недаром были на устах осетинских новов в годы Отечественной войны. Немские варвары пытались стереть память о великом осетинском поэте, разорили и уничтожили его музей. Советские люди, советский читатель никогда не забудут Коста Хетагурова, как и его прекрасные поэтические произведения.

ОДНОТОМНИК КОСТА ХЕТАГУРОВА

В связи с 40-летием со дня смерти великого осетинского народного поэта и общественного деятеля К. Хетагурова Гослитиздат готовит одномтомник его избранных произведений (20 печатных листов). В одномтомнике будут представлены стихи и проза К. Хетагурова за 30-летний период его творчества — стихи, басни и поэмы из сборника «Ирон фандар» («Осетинская лира»), стихотворения и поэмы, написанные на русском языке, рассказы «Охота за-

турами», очерк «Особая», пьеса «Дуна» и художественная публицистика.

Впервые будет напечатана на русском языке героическая поэма «Хетек» — о борьбе горских народов против татарского ига, поэма «Владимир», «Се человек», стихотворения «Босья», «Послание поэту», «Памяти М. Ю. Лермонтова», «Все, чем хотела бы мне поделиться» и др. Редактирует одномтомник Б. Цаголов и В. Казин. Сборнику будет предпослана большая вступительная статья.

«РОДИНА КОСТА»

В одном из залов музея им. Кирова и Орджоникидзе в Дзуджикау открывалась выставка в связи с 40-летием со дня смерти основоположника осетинской литературы Коста Левановича Хетагурова.

Северо-осетинское товарищество «Худоожик» экспонирует на выставке 50 этюдов и пейзажей на тему «Родина Коста». Художник Кочетов заканчивает большой портрет Коста.

Научная сессия Института мировой литературы

Институт мировой литературы им. А. М. Горького Академии наук СССР готовится к проведению в апреле открытой научной сессии. Сессия откроется докладом, посвященным проблемам ленинизма в литературоведении. Доклады на эту тему прочтут проф. А. Егоров «О некоторых значимых литературоведческих проблемах», проф. В. Курочкин «Ленин и Сталин в общеполитическом и историческом освещении», В. Яковлев «Об изучении литературно-эстетических взглядов Ленина».

Вторая тема сессии — мировое значение русской литературы. Составят доклады —

Ленинградские поэты в Москве

В ближайшие дни в Москву приезжает группа ленинградских поэтов. 2 апреля ленинградские гости встретятся с московскими писателями на вечере в клубе писателей. 3 апреля под председательством Н. Тихонова состоится вечер в Колонном зале.

Ленинградские поэты в Москве

Ленинградские поэты выступят также в Центральном офицерском доме детчиков, в Доме искусств и в других аудиторных залах.

ПЛЕНУМ ССП ТУРКМЕНИИ

АШХАБАД. (ТАСС). Состоялся пленум Союза советских писателей Туркмении. На пленуме были рассмотрены задачи писателей — выступил председатель правления Союза советских писателей Туркмении Сулейман Кербабаев.

Годы войны, — сказал докладчик, — были не только годами глубочайшей борьбы, но и годами укрепления закалки, роста. Показателем этого являлся декада туркменской литературы в Москве. Особенно выросли поэты-фронтовики: Нурбадыев, Алиев, Ишанов, Аширов. Песни народных шакиров Ата Салиха и Дурды Калыа вдохновенно звучали в тылу и на фронте, воодушевляли на борьбу за победу. Ряд ярких произведений создали поэтики. Туркменские драматурги за время войны написали свыше 30 пьес, многие из них успешно шли на сценах театров республики.

В дни мирного труда писатели продолжают плодотворно работать над новыми произведениями, отображающими многогранную жизнь советской Туркмении. Аманжолы заканчивает поему «Любовь». Измайлов пишет повесть «Девичья-бахши». Таушан Есенова — пьесу «Побежденный дракон».

Анализ туркменской поэзии был посвящен доклад поэта-фронтовика Дурдыева, драматургия — начальница республиканского Управления по делам искусства тов. Курдова.

СБОРНИК ПРОИЗВЕДЕНИИ М. БОГДАНОВИЧА

МИНСК. (От наш. корр.). Выход в свет избранных произведений М. Богдановича — одного из лучших белорусских писателей.

Большое событие в культурной жизни Белоруссии. В первом разделе сборника находится повесть «Лействушася армии» Военно-Морского флота. Значительная часть писателей-фронтовиков вернулась в Минск. На-днях они собирались в Доме писателя им. Маяковского на собрании, организованном военной комиссией Ленинского областного комитета ЛенОБЛКСО. Были заслушаны отчетный доклад председателя военной комиссии Г. Мироненко и сообщения директора ленинградского отделения «Советского писателя» М. Брынина — о выпускаемых издательством книгах, посвященных Великой Отечественной войне.

ДОНЕЦКИЕ РАДИОАЛМАНАХИ

СТАЛИНО. (От наш. корр.). Управление по делам радиодиффузии и радиозвонков области (Донбасс) совместно с союзным филиалом Союза советских писателей организовало выпуск ежемесячного литературного радиоальманаха. В альманах участвуют: П. Беспощадный, П. Байдебура, Е. Кузнецов, П. Чебакин, М. Успен, А. Ключа, а также начинающие молодые авторы.

У ПИСАТЕЛЕЙ УКРАИНЫ

КАСЬЯ РОДИ ПИСАТЕЛЕЙ И КРИТИКОВ в послевоенную пору. И. Золотоверхий говорит о необходимости бороться с пережитками капитализма в сознании людей, с остатками буржуазного мировоззрения, с проявлением национальной ограниченности.

Доклад вызвал горячее обсуждение, в котором приняли участие Л. Новиченко, Д. Кашира, И. Себулин, Д. Хинчуков, Е. Кирилюк, Ю. Кобальский, Е. Старикевич, Г. Овсаров, Е. Кротевич, Я. Гордоской, Ю. Мартин, В. Сухолюбский.

Выступающие говорили о некорректном отношении некоторых писателей к прошлому украинскому и братским народам, указывая на попытки «реабилитировать» исторических деятелей, которые принесли народу непоправимое зло, на описки украинского литературоведения, на попытки пропустить анимарксистическую концепцию так называемого «единого потока» в развитии украинской литературы. Резко критиковалась «медоточность» некоторых критических статей, оценочно-кажущий характер рецензий на книги и театральные постановки, «амнистирование» или замалчивание ошибок, допущенных крупными писателями, и, наоборот, уничтожающие критические оценки произведений молодых писателей.

В заключительном слове И. Золотоверхий отметил большую активность выступавших и призвал писателей Украины ответить на речь товарища Сталина напряженной и плодотворной дальнейшей работой.

СОВЕЩАНИЕ ПИСАТЕЛЕЙ-УЧАСТНИКОВ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

ЛЕНИНГРАД. (От наш. корр.). Около сотни ленинградских писателей в годы войны принимали участие в «Лействушася армии» Военно-Морского флота. Значительная часть писателей-фронтовиков вернулась в Ленинград. На-днях они собирались в Доме писателя им. Маяковского на собрании, организованном военной комиссией Ленинского областного комитета ЛенОБЛКСО. Были заслушаны отчетный доклад председателя военной комиссии Г. Мироненко и сообщения директора ленинградского отделения «Советского писателя» М. Брынина — о выпускаемых издательством книгах, посвященных Великой Отечественной войне.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЖИЗНЬ УРАЛА

СВЕРДЛОВСКИЙ. (От наш. корр.). На общем собрании писателей гора Свердловска с докладом об очередных задачах писательской организации выступил П. Бажов.

Историческая речь товарища Сталина вызвала огромный творческий подъем всех советских людей, сказавших: «Мы приступили к выполнению пятого пятилетнего плана. Работники промышленности, науки, культуры и искусства устремляют свои силы на то, чтобы работать еще лучше, чтобы достигнуть новых высот. Этот подвиг должен охватить и нашу организацию».

П. Бажов указывает, что писательская организация Свердловска за годы войны значительно уменьшилась: погибли на фронте писатели А. Савчук, И. Панов, Э. Зандаров, Ф. Шинклер. Сейчас в Свердловском комитете ЦКП — 16 человек. Свердловские писатели провели большую работу в дни подготовки к выступлению в Верховный Совет СССР, выступая в областной газете, по радио и на предприятиях с очерками о народных подвижниках.

Большое внимание П. Бажов уделяет работе Свердловского издательства. Имса мощную полиграфическую базу, издательство работает плохо. Уже более полугода почти ничего не печатается и не издается. Свердловские писатели провели коллективную работу над большими книгами: «Ижиган Таяга», «Наш город» (о Свердловске), «Золото», но книга о Таяге печатается свыше двух лет, а остальные неизвестно когда увидят свет. Трудно даже установить, сколько времени находится в производстве десятая книга альманаха «Уральский современник».

Доклад вызвал оживленные прения, в которых приняли участие все члены организации, а также секретарь Свердловского обкома ВКП(б) И. Пустовалов.

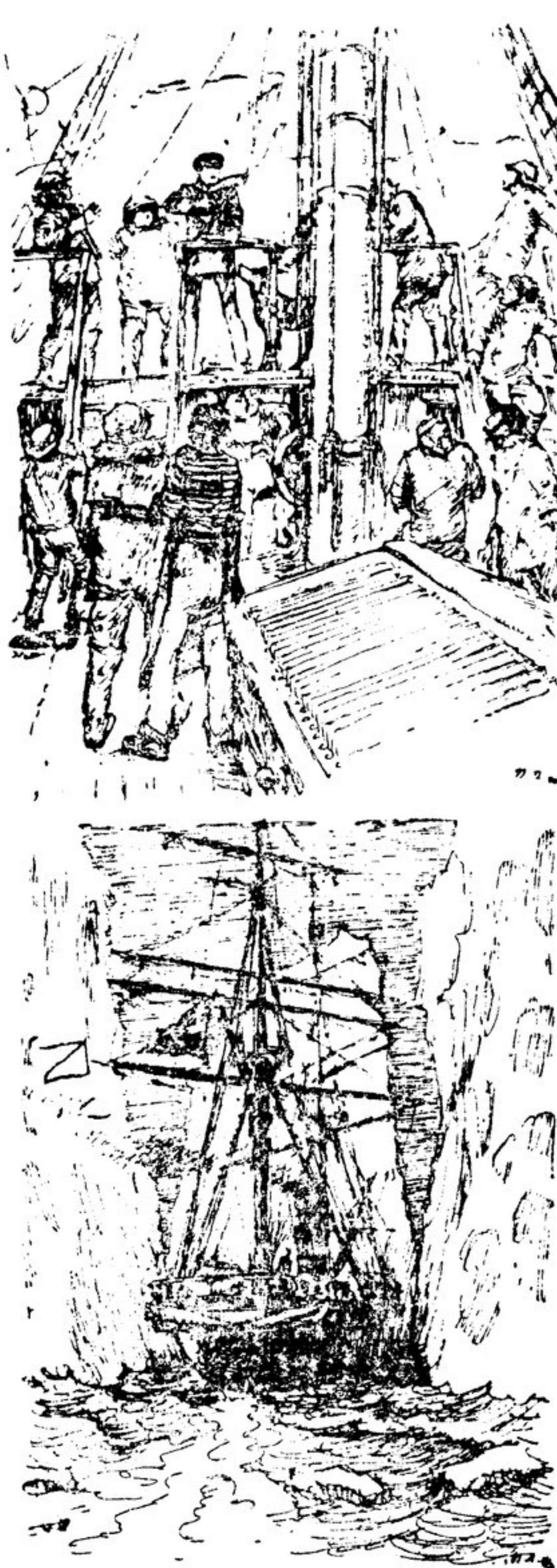
КРУПНЕЙШЕЕ КНИГОХРАНИЛИЩЕ

ЕРВАН. (От наш. корр.). Государственная публичная библиотека им. Мясникова — крупнейшее книгохранилище Советской Армении. Библиотека насчитывает два миллиона книг. Библиотека приобрела много редких и уникальных изданий: первая армянская печатная книга «Паризтмар» (календарь), изданная в Венеции в 1512 г.; «Урбатар» (книга о колдовстве и суевериях), изданная в 1513 г. Особое внимание заслуживает книга ливника Христофора Колумба. Не менее интересны книги-малюбки и книги-вешалки. Миниатюрные «Юран», величина их с сахарный кубик, кажется микроскопическим по сравнению с людской библией. Большую научную ценность представляют архивы Лазаревского института, журнала «Кавказский вестник», музыкаловда Корганяна. Ценен и интересен отдел восточных рукописей.

Н. ГУДЗИЙ Избранный Толстой

В этот том вошли избранные повести и рассказы Л. Толстого, написанные им до «Войны и мира»...

Основанием для исключения приведенных строк в юбилейном издании сочинений Толстого (как ранее и в издании его сочинений под редакцией П. И. Виркомова) послужило письмо Толстого к английскому переводчику его сочинений Эдмунду Моуду...

Иллюстрации П. Павлюнова к книге Жюль Верна «Приключение капитана Гаттераса» (Военмориздат)

Максим РЫЛЬСКИЙ

Я никогда не знал...

Я никогда не знал, что так люблю — По-над Днепром, в моем родном краю — Пушкинских верб серебристых лоз...

СТИХИ И ПОЭМЫ

Максима РЫЛЬСКОГО

В сборнике М. Рыльского «Стихи и поэмы», изданном Гослитиздатом, два раздела: в первом — «Стихотворения», кроме юношеских произведений из книги «На белых островах»...

А. ЕЛИСТРАТОВА „Трое в новых костюмах“

Новый роман Джона Пристли, напечатанный в № 11—12 «Нового мира» за 1945 год, обращает на себя внимание советских читателей...

Герои романа «Трое в новых костюмах» — фронтные друзья, однополчане, только что демобилизованные из армии и возвращающиеся домой...

«Трое в новых костюмах» — это те, кто у станков или в окопах вынес все бремя войны, выпавшее на долю Англии...

развляет его. Беседой трех друзей о будущем Англии и о их месте в борьбе за это будущее заканчивается книга Пристли...

Характерно и то, что вопрос о политическом руководстве страной не получает в постановке Пристли действительной остроты...

«шиной», с подругой Герберта — работницей Лорис Морган, с женой Эдди Мольтя...

Общественное значение книги Пристли тем не менее велико. В ней отразилось, хотя бы и неполно, то новое, что внес исторический опыт войны с фашизмом...

А. ТАРАСЕНКОВ Несовершенные намерения

Ашот Гарнакьян пишет добрых полтора десятка лет, но пока выступает по преимуществу лишь в местной печати...

В стихотворениях и в прозе Гарнакьян не только пишет о войне, но и о жизни, о любви, о дружбе, о дружбе с родным краем...

В стихотворениях и в прозе Гарнакьян не только пишет о войне, но и о жизни, о любви, о дружбе, о дружбе с родным краем...

«Приглушил глубокую быль ложью И долгие жил бы с ней...»

«Всё это выпестрено и мало убедительно. Увеличенный книжками, традиционными образами, поэт не замечает, что он делает непростительные ошибки против житейской правды...»

Как часто намерения поэта остаются неразрешенными, нераскрытыми, тема не находит своего настоящего выражения...

И. НОВИЧ

Новый Ленинский сборник

Самые дух десятилетия выходят в свет «Ленинские сборники» — издание, совершенно исключительное и по своему типу и по своему огромному значению...

Читая этот новый «Ленинский сборник», ясно ощущаешь великую тайну ленинской мысли; Ленин видел всю страну из конца в конец...

строгий элос времени, борьба взглядов, классов, партий, — все, чем жила страна в те дни и над всем этим возвышается образ Ленина, руководящего всем, дающего жизнь и направление всему...

Внешторга на Украине, о размерах обменного фонда, о пароходах в пути в южные порты...

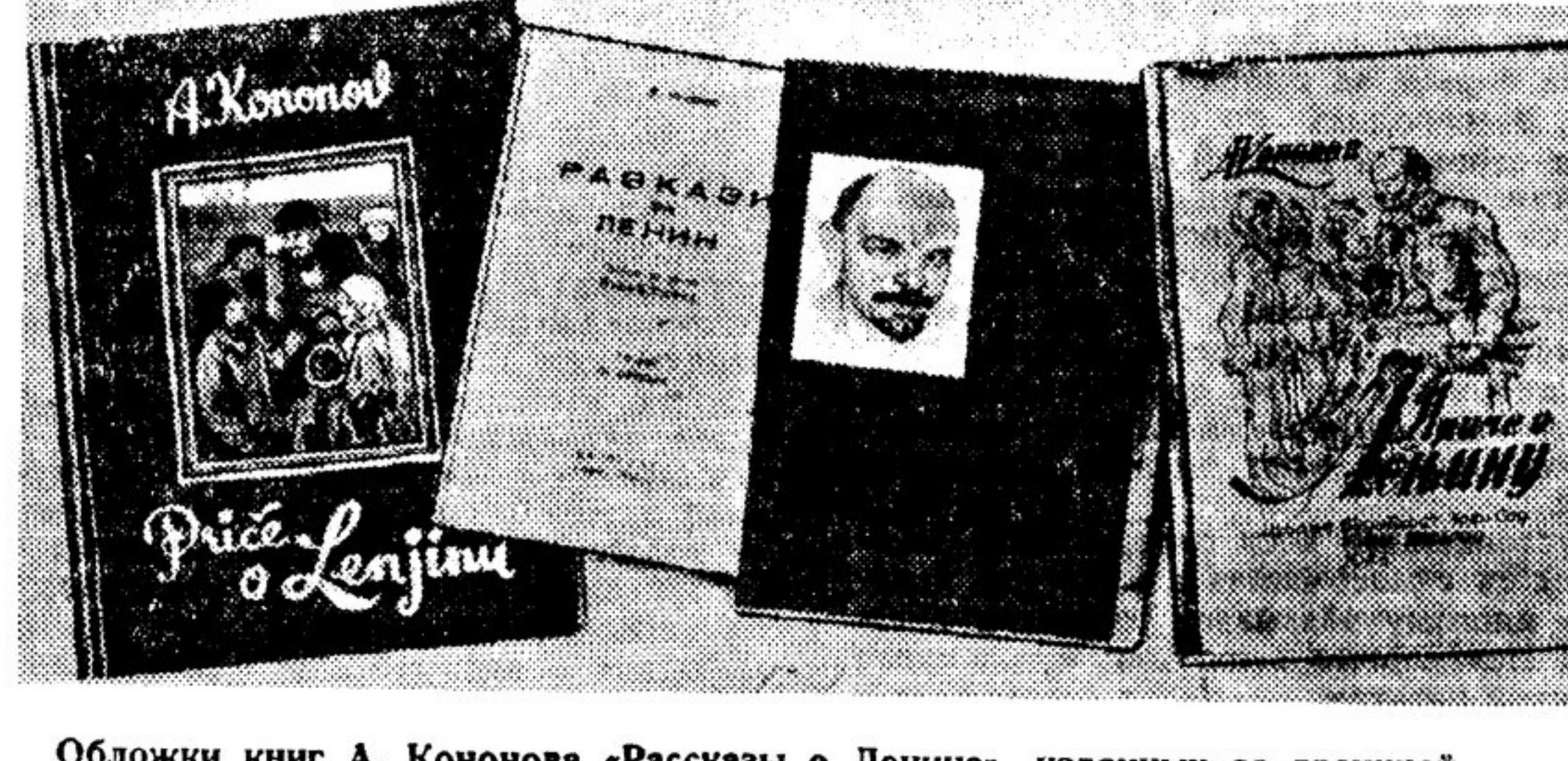
Множество ленинских документов показывает нам В. М. Молотова как одного из ближайших соратников Владимира Ильича...

деятеля неопределенной эпохи и величайшего писателя современности.

Множество ленинских документов показывает нам В. М. Молотова как одного из ближайших соратников Владимира Ильича...

всех его пометок на письмах Алексея Максимовича.

Весьма важны для советского литературного движения документы В. И. Ленинские «протекты», организаторские в свое время собиравшиеся строить некую особую, замкнутую, цеховую «протектарскую культуру»...

Обложки книг А. Кононова «Рассказы о Ленине», изданных за границей.

Статья Ю. Юзовского «О старых и новых друзьях» написана так легко, что становится почти невесомой. Это легкость формы здесь вполне уместна: она соответствует и неоспорительной проблеме статьи и той личности, с которой критик мнет старых друзей на новых.

С некоторой пор Юзовскому кажется, что ему открылось самое главное в образе современного молодого человека, а именно... среднее образование.

Старые драматурги продолжают любить «трепетней» девушек того типа, которых когда-то презрительно назвали «форниками», а молодые — показаны нам в своих пьесах нового интеллигентного, молодого человека. Так вольнолюбивая Юзовского эволюция заключается (по его театральным наблюдениям) в том, что на смену молодежи, изъясняющейся без слов и интонаций «только жестами и междометиями», пришла другая, выражающая себя в многочисленных намеках, интонациях и жестах, в выхваченном из самой глубины сердца взгляде, затанованной улыбке, неприметном или вовсе не сказанном слове.

Итак, межмотивы сменялись намеками, жестами... отсутствующие слова — словами жестами не сказанными. Однако у интеллигентного человека это не является в активе улыбка, взгляды и интонация.

Допустим на секунду, если это допущение выдержит столь долгий срок, что люди, не окончившие средней школы, говорят без интонаций, что им недоступны ни затанованные улыбки, ни взгляды, выхваченные из самой глубины сердца.

Но какое, скажите на милость, все это имеет отношение к литературе, к театру, к писателю? Одну внешность этой интеллигентности, ее поверхность великолепно воспроизведет простое зеркало и звукозаписывающий аппарат. Для этого не нужны ни старые, ни новые драматурги и всего менее — критик.

Нам не довелось еще увидеть в театре имени Ермоловой спектакль «Старые друзья», в котором, по общему признанию, режиссер и актеры блистали своими талантами. Но пьеса Малюгина, как литературное произведение, на наш взгляд, не может служить положительным поводом для серьезного разговора о нашей молодежи и ее образе в драматургии.

В «Старых друзьях» все — события, и время, и чувства принесены в жертву шутке. Все как бы конферировано. Все обрывается каламбурами. Диалог течет легко, не задерживаясь на одном душевном тормозе. Маленькие вспышки серьезного сейчас же погашаются шутками, в которых выдыхается даже «первая любовь». «Товарищи шутники», как они сами себя называют, «с карман за словом не поленятся, никому в этом деле слова сказать не дадут», и тараторят так, что «даже скулы болят». Надо сказать, что в смешных и подчас остроумных каламбурах автор неостощен. Он, конечно, и сам понимает «искусственную природу» своей комедии, и герои его часто иронизируют над своей холодностью шутки и шутки над своей холодностью. И так надо сказать, что при всех нюансах этой иронии за ней ни капли святого для товарищей шутников нет.

Пока эта ловкая словесная игра не кажется серьезным ступнем жизни, она уместна и вызывает непринужденное веселье. Но стоит только развлекательное, беспрепятственной комедии подступить к подлинным чувствам, и тем более к драматическим событиям, как она становится безтактной. Так воспринимаются в пьесе все каламбуры, связанные с потерей руки на фронте Шуруй Зайцевым, «искусственный» с Ленинградкой девушкой-сиротой; так воспринимаются вспоминающиеся в контексте сплошной бесцельной болтовни имя Зою Космодемьянской и наконец тост в память погибшего на войне товарища — тост, который прерывается возгласом одного из шутников: «Вперед через могилы, как сказал один мудрец!».

Но здесь нас интересует не только эта пьеса, как частное явление, а главным образом, позиция Юзовского, подхватывающая и пропагандирующая какое-то творческое, трезвонное течение в нашей драматургии. Как же в этой обстановке атмосферы Юзовского то, что он называет атмосферой интеллигентности? В пьесе Малюгина, говорит Юзовский, нет ни идей, ни конфликтов, ни судеб; о вопросах, которые она как будто поднимает, «не стоит серьезно говорить», и вообще «интеллигентности» в ней ничего нет.

Но что это за интеллигентность, как таковая, интеллигентность, отделенная от мыслей, чувств, вопросов, от психологической, от общественной жизни человека? Что это за новый вид бездальности, неодоленной, — пластичной абстрактной интеллигентности? Сама по себе аттестация личности как научным, так и по эстетическим дисциплинам, не кладут ножку на ножку, не удаляются затанованно, не целуются и не грустят.

С другой стороны, без своих взглядов, вкусов, интересов, запросов и мечтаний он живет на свете не один человек, начиная от самого ничтожного и кончая самым достойным. Все, что мы в жизни приобретаем, в том числе и культурные, приобретаем в воспринимаем комплексно, путаем, как сплав из опыта, в котором смешиваются все нашей жизни. Поэтому интеллигентность и в отношении мелкого, и в отношении большого, и как и образ живого человека, есть консенсус. Присмотритесь к любой интеллигентности, и в каждой из них обнаружится своя атмосфера.

При ближайшем рассмотрении глазами самого же Юзовского его «новые друзья» оказываются не столь уж безобидными, оказываются, что «чужденная» пьеса, заключающаяся в ее интеллигентности, если ее обозначить, ведет в мизантропию, в тот тепловатый интимный мир, от которого «красная» и уже доносится душной запах мешанства.

«Но все это...» — заканчивает автор, — только предостережение. Ибо начало прекрасное. Прекрасное начало, от которого шаг два в душной мир мешанства, — какой прекрасный конец просветительской статьи!

Он устранив нас лишь тем, что подтверждает невозможность существования «интеллигентности» культуры, если ее обозначить, а эта прекрасная нота, если ее обозначить, так сказать, самостоятельным чувством? Почему прекрасное начало в самом себе заключает тенденцию уродливого развития, а не прекрасного? Почему вместо благополучия оно требует предостережения? Чувствуется какой-то неяркий ход в этой нескладке. Но здесь есть своя логика — логика компромисса. Все обговорено, сказано Юзовским повидному только для того, чтобы с ним было покончено. В самом деле, что означает слова «но это только предостережение»? Так строят фразу, когда хотят сказать: по это только так, между прочим.

Предостережение от опасности — акт бесполой, но не может сознательно само себе придать, чтобы одновременно и быть сказанным, и не быть услышанным. Юзовский же предостерегает своих друзей от опасности, торжествуя, любуясь, наслаждаясь созданием «миа атмосферы».

Беспечно — веселая пьеса Малюгина не вымывает у нас ни ощущения нового в образе молодого человека, ни тех страшных опасностей, которыми пугает нас Юзовский, предостерегая автора от захламо мешанского мира.

Последнее тем более удивительно, что когда этим задумом впитывается в полной мере в пьесе А. Гладкова «Новоготия ночь», Юзовский присутствует в ее жизни (на обложке в «Советском искусстве») буквально с той же самой аргументацией, что

и сейчас. Тот же Страус и Страус, те же старые и новые драматурги, та же проблема интеллигентности. Именно «Новоготия ночь» Гладкова послужила критике первым поводом для провозглашения новой струи в нашей драматургии и противопоставления двух поколений молодежи в социалистическом обществе. Причем в этом случае те же доводы приводились в защиту спектакля, а самой пьесы. Что же это за пьеса, которая наша сесть столь ревностных защитников и столь деятельных опекунов ее сценической судьбы? Она стоит подобно юному человеку, потому что именно в ней среднее образование Юзовского, которое он, теперь забыв их названия, называет «сплошным», наиболее заметно проучало «новое» настроение и пахнуло «новой» атмосферой.

Если в пьесе через каждое слово — многозначно, а через каждое два — пауза, то знайте, перед вами — абсолютнейшие сети пошлости. Драматургу нечего сказать, и вот на помощь приходят неясные намеки, загадочные улыбки, неказанные слова, недоуменные поступки, многозначительные взгляды при нецензурной речи, словесный переплет, а в конце — странная двойственность, которые призваны бездумно выдать за глубокомыслие, а мешанство — за оригинальность и уточненность души.

В центре пьесы А. Гладкова, действие которой происходит на рубеже 1942—43 гг. — 20-летняя Ася. Вы помните тургеневскую Асю, в душе которой бесконечно теснятся огромные силы? Так вот моя Ася, говорит нам Гладков, податливая той. Она не чета сестре своей, Клаусе, с ее грубой прозаической любовью, с ее словесками «божоточка» и т. п. Ася любит гордых и смеющихся ей мужчин, а не только красивых, она — инстинктивная, незлобивая... Впервые мы видим Асю, когда она, «до смерти» голодная, садится обедать, но вдруг застывает в раздумьи и бросает ложку. Ей уже расхотелось есть, это первое, полное таинственной прелести противоречие, является камертоном ее сложной души. В дальнейшем мы увидим это хватанье и бросание ложки во всех поступках Аси, сейчас же она садится на диван и предается серьезным занятиям: она хандрит, кроме очереди войны «все изничтожено, все уничтожено, мятущаяся, незлобивая...»

Итак, мы видим Асю, когда она, «до смерти» голодная, садится обедать, но вдруг застывает в раздумьи и бросает ложку. Ей уже расхотелось есть, это первое, полное таинственной прелести противоречие, является камертоном ее сложной души. В дальнейшем мы увидим это хватанье и бросание ложки во всех поступках Аси, сейчас же она садится на диван и предается серьезным занятиям: она хандрит, кроме очереди войны «все изничтожено, все уничтожено, мятущаяся, незлобивая...»

Итак, мы видим Асю, когда она, «до смерти» голодная, садится обедать, но вдруг застывает в раздумьи и бросает ложку. Ей уже расхотелось есть, это первое, полное таинственной прелести противоречие, является камертоном ее сложной души. В дальнейшем мы увидим это хватанье и бросание ложки во всех поступках Аси, сейчас же она садится на диван и предается серьезным занятиям: она хандрит, кроме очереди войны «все изничтожено, все уничтожено, мятущаяся, незлобивая...»

Но почему Ася принимает Дмитрий Шахов. Уезжая на фронт, Дима обещал Асе... целый год не писать. Ровно через год он пишет ей первое письмо. «Почему через год?» «Так». Оригинально, не правда ли? Есть в этом что-то новое, свежее для эпистолярной литературы влюбленных. Охота почитать шаблонные письма: жив, здоров. То у дело неизвестности? Может быть? Убит, может быть? Ранен. Все покрыто мраком интрижки тайны.

Итак, мы видим Асю, когда она, «до смерти» голодная, садится обедать, но вдруг застывает в раздумьи и бросает ложку. Ей уже расхотелось есть, это первое, полное таинственной прелести противоречие, является камертоном ее сложной души. В дальнейшем мы увидим это хватанье и бросание ложки во всех поступках Аси, сейчас же она садится на диван и предается серьезным занятиям: она хандрит, кроме очереди войны «все изничтожено, все уничтожено, мятущаяся, незлобивая...»

Итак, мы видим Асю, когда она, «до смерти» голодная, садится обедать, но вдруг застывает в раздумьи и бросает ложку. Ей уже расхотелось есть, это первое, полное таинственной прелести противоречие, является камертоном ее сложной души. В дальнейшем мы увидим это хватанье и бросание ложки во всех поступках Аси, сейчас же она садится на диван и предается серьезным занятиям: она хандрит, кроме очереди войны «все изничтожено, все уничтожено, мятущаяся, незлобивая...»

Итак, мы видим Асю, когда она, «до смерти» голодная, садится обедать, но вдруг застывает в раздумьи и бросает ложку. Ей уже расхотелось есть, это первое, полное таинственной прелести противоречие, является камертоном ее сложной души. В дальнейшем мы увидим это хватанье и бросание ложки во всех поступках Аси, сейчас же она садится на диван и предается серьезным занятиям: она хандрит, кроме очереди войны «все изничтожено, все уничтожено, мятущаяся, незлобивая...»

Итак, мы видим Асю, когда она, «до смерти» голодная, садится обедать, но вдруг застывает в раздумьи и бросает ложку. Ей уже расхотелось есть, это первое, полное таинственной прелести противоречие, является камертоном ее сложной души. В дальнейшем мы увидим это хватанье и бросание ложки во всех поступках Аси, сейчас же она садится на диван и предается серьезным занятиям: она хандрит, кроме очереди войны «все изничтожено, все уничтожено, мятущаяся, незлобивая...»

Итак, мы видим Асю, когда она, «до смерти» голодная, садится обедать, но вдруг застывает в раздумьи и бросает ложку. Ей уже расхотелось есть, это первое, полное таинственной прелести противоречие, является камертоном ее сложной души. В дальнейшем мы увидим это хватанье и бросание ложки во всех поступках Аси, сейчас же она садится на диван и предается серьезным занятиям: она хандрит, кроме очереди войны «все изничтожено, все уничтожено, мятущаяся, незлобивая...»

Итак, мы видим Асю, когда она, «до смерти» голодная, садится обедать, но вдруг застывает в раздумьи и бросает ложку. Ей уже расхотелось есть, это первое, полное таинственной прелести противоречие, является камертоном ее сложной души. В дальнейшем мы увидим это хватанье и бросание ложки во всех поступках Аси, сейчас же она садится на диван и предается серьезным занятиям: она хандрит, кроме очереди войны «все изничтожено, все уничтожено, мятущаяся, незлобивая...»

Итак, мы видим Асю, когда она, «до смерти» голодная, садится обедать, но вдруг застывает в раздумьи и бросает ложку. Ей уже расхотелось есть, это первое, полное таинственной прелести противоречие, является камертоном ее сложной души. В дальнейшем мы увидим это хватанье и бросание ложки во всех поступках Аси, сейчас же она садится на диван и предается серьезным занятиям: она хандрит, кроме очереди войны «все изничтожено, все уничтожено, мятущаяся, незлобивая...»

Итак, мы видим Асю, когда она, «до смерти» голодная, садится обедать, но вдруг застывает в раздумьи и бросает ложку. Ей уже расхотелось есть, это первое, полное таинственной прелести противоречие, является камертоном ее сложной души. В дальнейшем мы увидим это хватанье и бросание ложки во всех поступках Аси, сейчас же она садится на диван и предается серьезным занятиям: она хандрит, кроме очереди войны «все изничтожено, все уничтожено, мятущаяся, незлобивая...»

Итак, мы видим Асю, когда она, «до смерти» голодная, садится обедать, но вдруг застывает в раздумьи и бросает ложку. Ей уже расхотелось есть, это первое, полное таинственной прелести противоречие, является камертоном ее сложной души. В дальнейшем мы увидим это хватанье и бросание ложки во всех поступках Аси, сейчас же она садится на диван и предается серьезным занятиям: она хандрит, кроме очереди войны «все изничтожено, все уничтожено, мятущаяся, незлобивая...»

Итак, мы видим Асю, когда она, «до смерти» голодная, садится обедать, но вдруг застывает в раздумьи и бросает ложку. Ей уже расхотелось есть, это первое, полное таинственной прелести противоречие, является камертоном ее сложной души. В дальнейшем мы увидим это хватанье и бросание ложки во всех поступках Аси, сейчас же она садится на диван и предается серьезным занятиям: она хандрит, кроме очереди войны «все изничтожено, все уничтожено, мятущаяся, незлобивая...»

точно, чтобы убедиться, что настоящий живописец и достойный человек здесь не скрывается, а попросту отсутствует. Как видите, автор не стесняется в средствах. И великий подвиг, и великая слава, и кровь героическая использованы им, чтобы обелить свое театральное «делце» и поразить нас сюрпризом. И надо сказать, этой цели своей он достиг вполне. Нам был обещан «гордый и сильный человек», а показали «высокий и худой». Обнаженные девятую Аси «все изничтожено, все уничтожено, мятущаяся, незлобивая...»

Что касается Аси, то кривая ее карьера уже не принесет нам никаких неожиданностей. В третьем акте она пребывает в доме у Димы, быстротой построит новые планы своей жизни, потом прочтет, наконец, газету, скажет себе: «Теперь я все понимаю... Нет, ничего не понимаю...» и очертит голову побежит обратно... во второй акт, под недоумевание крики восторженных смертных: С ума сошла!

Вот и все. На рубеже 1942—1943 годов, в разгар войны, когда вся страна была охвачена наступательным порывом, когда каждая сводка ладно ловилась, вызвала улыбку и переплетала эту радость с радостью Космодемьянской. Ни одна из многочисленных сценических героинь, которые и по образу жизни, и по ситуациям, и даже как будто по героизму своему были задуманы, как духовные сестры Зою, не вымала в нас волнения.

И только один образ заставил нас встретиться, почувствовать что-то значительное и близкое в эти дни суровой и большой жизни народа. Только одна девушка на подмостках театра сняла уже заставленную на зрительских лицах «тепловатую-лирическую», умилительную улыбку и заставила глубоко задуматься на этот раз не только Зою, но и нас самих. Это была Верочка из «Месяца в деревне» Тургенев. О ней писали газеты специальные статьи. Она, ничем как будто не примечательная девушка, целиком поглощенная своей любовью, остановила на себе наше внимание в странном беге войны.

Итак, мы видим Асю, когда она, «до смерти» голодная, садится обедать, но вдруг застывает в раздумьи и бросает ложку. Ей уже расхотелось есть, это первое, полное таинственной прелести противоречие, является камертоном ее сложной души. В дальнейшем мы увидим это хватанье и бросание ложки во всех поступках Аси, сейчас же она садится на диван и предается серьезным занятиям: она хандрит, кроме очереди войны «все изничтожено, все уничтожено, мятущаяся, незлобивая...»

Итак, мы видим Асю, когда она, «до смерти» голодная, садится обедать, но вдруг застывает в раздумьи и бросает ложку. Ей уже расхотелось есть, это первое, полное таинственной прелести противоречие, является камертоном ее сложной души. В дальнейшем мы увидим это хватанье и бросание ложки во всех поступках Аси, сейчас же она садится на диван и предается серьезным занятиям: она хандрит, кроме очереди войны «все изничтожено, все уничтожено, мятущаяся, незлобивая...»

Итак, мы видим Асю, когда она, «до смерти» голодная, садится обедать, но вдруг застывает в раздумьи и бросает ложку. Ей уже расхотелось есть, это первое, полное таинственной прелести противоречие, является камертоном ее сложной души. В дальнейшем мы увидим это хватанье и бросание ложки во всех поступках Аси, сейчас же она садится на диван и предается серьезным занятиям: она хандрит, кроме очереди войны «все изничтожено, все уничтожено, мятущаяся, незлобивая...»

Итак, мы видим Асю, когда она, «до смерти» голодная, садится обедать, но вдруг застывает в раздумьи и бросает ложку. Ей уже расхотелось есть, это первое, полное таинственной прелести противоречие, является камертоном ее сложной души. В дальнейшем мы увидим это хватанье и бросание ложки во всех поступках Аси, сейчас же она садится на диван и предается серьезным занятиям: она хандрит, кроме очереди войны «все изничтожено, все уничтожено, мятущаяся, незлобивая...»

Итак, мы видим Асю, когда она, «до смерти» голодная, садится обедать, но вдруг застывает в раздумьи и бросает ложку. Ей уже расхотелось есть, это первое, полное таинственной прелести противоречие, является камертоном ее сложной души. В дальнейшем мы увидим это хватанье и бросание ложки во всех поступках Аси, сейчас же она садится на диван и предается серьезным занятиям: она хандрит, кроме очереди войны «все изничтожено, все уничтожено, мятущаяся, незлобивая...»

Итак, мы видим Асю, когда она, «до смерти» голодная, садится обедать, но вдруг застывает в раздумьи и бросает ложку. Ей уже расхотелось есть, это первое, полное таинственной прелести противоречие, является камертоном ее сложной души. В дальнейшем мы увидим это хватанье и бросание ложки во всех поступках Аси, сейчас же она садится на диван и предается серьезным занятиям: она хандрит, кроме очереди войны «все изничтожено, все уничтожено, мятущаяся, незлобивая...»

Итак, мы видим Асю, когда она, «до смерти» голодная, садится обедать, но вдруг застывает в раздумьи и бросает ложку. Ей уже расхотелось есть, это первое, полное таинственной прелести противоречие, является камертоном ее сложной души. В дальнейшем мы увидим это хватанье и бросание ложки во всех поступках Аси, сейчас же она садится на диван и предается серьезным занятиям: она хандрит, кроме очереди войны «все изничтожено, все уничтожено, мятущаяся, незлобивая...»

Итак, мы видим Асю, когда она, «до смерти» голодная, садится обедать, но вдруг застывает в раздумьи и бросает ложку. Ей уже расхотелось есть, это первое, полное таинственной прелести противоречие, является камертоном ее сложной души. В дальнейшем мы увидим это хватанье и бросание ложки во всех поступках Аси, сейчас же она садится на диван и предается серьезным занятиям: она хандрит, кроме очереди войны «все изничтожено, все уничтожено, мятущаяся, незлобивая...»

Итак, мы видим Асю, когда она, «до смерти» голодная, садится обедать, но вдруг застывает в раздумьи и бросает ложку. Ей уже расхотелось есть, это первое, полное таинственной прелести противоречие, является камертоном ее сложной души. В дальнейшем мы увидим это хватанье и бросание ложки во всех поступках Аси, сейчас же она садится на диван и предается серьезным занятиям: она хандрит, кроме очереди войны «все изничтожено, все уничтожено, мятущаяся, незлобивая...»

Итак, мы видим Асю, когда она, «до смерти» голодная, садится обедать, но вдруг застывает в раздумьи и бросает ложку. Ей уже расхотелось есть, это первое, полное таинственной прелести противоречие, является камертоном ее сложной души. В дальнейшем мы увидим это хватанье и бросание ложки во всех поступках Аси, сейчас же она садится на диван и предается серьезным занятиям: она хандрит, кроме очереди войны «все изничтожено, все уничтожено, мятущаяся, незлобивая...»

Итак, мы видим Асю, когда она, «до смерти» голодная, садится обедать, но вдруг застывает в раздумьи и бросает ложку. Ей уже расхотелось есть, это первое, полное таинственной прелести противоречие, является камертоном ее сложной души. В дальнейшем мы увидим это хватанье и бросание ложки во всех поступках Аси, сейчас же она садится на диван и предается серьезным занятиям: она хандрит, кроме очереди войны «все изничтожено, все уничтожено, мятущаяся, незлобивая...»

Итак, мы видим Асю, когда она, «до смерти» голодная, садится обедать, но вдруг застывает в раздумьи и бросает ложку. Ей уже расхотелось есть, это первое, полное таинственной прелести противоречие, является камертоном ее сложной души. В дальнейшем мы увидим это хватанье и бросание ложки во всех поступках Аси, сейчас же она садится на диван и предается серьезным занятиям: она хандрит, кроме очереди войны «все изничтожено, все уничтожено, мятущаяся, незлобивая...»

Итак, мы видим Асю, когда она, «до смерти» голодная, садится обедать, но вдруг застывает в раздумьи и бросает ложку. Ей уже расхотелось есть, это первое, полное таинственной прелести противоречие, является камертоном ее сложной души. В дальнейшем мы увидим это хватанье и бросание ложки во всех поступках Аси, сейчас же она садится на диван и предается серьезным занятиям: она хандрит, кроме очереди войны «все изничтожено, все уничтожено, мятущаяся, незлобивая...»

красоту, мощь и действительно высокую культуру чувств и идей.

В 1950 году по пятилетнему плану у нас будет свыше 30 миллионов школьников. Скоро у нас вообще не станет людей без образования, и будьте спокойны, это обстоятельство найдет свое отражение в литературе, и в ничтожной, и в идейной, и в безыдейной. Но не в этом, товарищи Юзовский, зерно, которое ищут сердцеведы и инженеры душ.

Одновременно с Зиной и «Ответа дома» мы видели на сцене и других наших молодых девушек и неинтеллигентных и интеллигентных, вплоть до профессорских дочек. Мы видели и бойкую девочку Лю «Встрече в темноте», и словоохотливую по наследству Олю в «Так и будет», и Карпова, и Серова, и Лопаткина хорошо сыграли свои роли. Но любящими, что ни один из этих образов, совершенно независимо от уровня культуры персонажа, не стал образом, в котором воплотились дух времени. А это было во время, когда девушка была глубоко на своем атомии, имя Зою Космодемьянской. Ни одна из многочисленных сценических героинь, которые и по образу жизни, и по ситуациям, и даже как будто по героизму своему были задуманы, как духовные сестры Зою, не вымала в нас волнения.

Итак, мы видим Асю, когда она, «до смерти» голодная, садится обедать, но вдруг застывает в раздумьи и бросает ложку. Ей уже расхотелось есть, это первое, полное таинственной прелести противоречие, является камертоном ее сложной души. В дальнейшем мы увидим это хватанье и бросание ложки во всех поступках Аси, сейчас же она садится на диван и предается серьезным занятиям: она хандрит, кроме очереди войны «все изничтожено, все уничтожено, мятущаяся, незлобивая...»

Итак, мы видим Асю, когда она, «до смерти» голодная, садится обедать, но вдруг застывает в раздумьи и бросает ложку. Ей уже расхотелось есть, это первое, полное таинственной прелести противоречие, является камертоном ее сложной души. В дальнейшем мы увидим это хватанье и бросание ложки во всех поступках Аси, сейчас же она садится на диван и предается серьезным занятиям: она хандрит, кроме очереди войны «все изничтожено, все уничтожено, мятущаяся, незлобивая...»

Итак, мы видим Асю, когда она, «до смерти» голодная, садится обедать, но вдруг застывает в раздумьи и бросает ложку. Ей уже расхотелось есть, это первое, полное таинственной прелести противоречие, является камертоном ее сложной души. В дальнейшем мы увидим это хватанье и бросание ложки во всех поступках Аси, сейчас же она садится на диван и предается серьезным занятиям: она хандрит, кроме очереди войны «все изничтожено, все уничтожено, мятущаяся, незлобивая...»

Итак, мы видим Асю, когда она, «до смерти» голодная, садится обедать, но вдруг застывает в раздумьи и бросает ложку. Ей уже расхотелось есть, это первое, полное таинственной прелести противоречие, является камертоном ее сложной души. В дальнейшем мы увидим это хватанье и бросание ложки во всех поступках Аси, сейчас же она садится на диван и предается серьезным занятиям: она хандрит, кроме очереди войны «все изничтожено, все уничтожено, мятущаяся, незлобивая...»

Итак, мы видим Асю, когда она, «до смерти» голодная, садится обедать, но вдруг застывает в раздумьи и бросает ложку. Ей уже расхотелось есть, это первое, полное таинственной прелести противоречие, является камертоном ее сложной души. В дальнейшем мы увидим это хватанье и бросание ложки во всех поступках Аси, сейчас же она садится на диван и предается серьезным занятиям: она хандрит, кроме очереди войны «все изничтожено, все уничтожено, мятущаяся, незлобивая...»

Итак, мы видим Асю, когда она, «до смерти» голодная, садится обедать, но вдруг застывает в раздумьи и бросает ложку. Ей уже расхотелось есть, это первое, полное таинственной прелести противоречие, является камертоном ее сложной души. В дальнейшем мы увидим это хватанье и бросание ложки во всех поступках Аси, сейчас же она садится на диван и предается серьезным занятиям: она хандрит, кроме очереди войны «все изничтожено, все уничтожено, мятущаяся, незлобивая...»

Итак, мы видим Асю, когда она, «до смерти» голодная, садится обедать, но вдруг застывает в раздумьи и бросает ложку. Ей уже расхотелось есть, это первое, полное таинственной прелести противоречие, является камертоном ее сложной души. В дальнейшем мы увидим это хватанье и бросание ложки во всех поступках Аси, сейчас же она садится на диван и предается серьезным занятиям: она хандрит, кроме очереди войны «все изничтожено, все уничтожено, мятущаяся, незлобивая...»

Итак, мы видим Асю, когда она, «до смерти» голодная, садится обедать, но вдруг застывает в раздумьи и бросает ложку. Ей уже расхотелось есть, это первое, полное таинственной прелести противоречие, является камертоном ее сложной души. В дальнейшем мы увидим это хватанье и бросание ложки во всех поступках Аси, сейчас же она садится на диван и предается серьезным занятиям: она хандрит, кроме очереди войны «все изничтожено, все уничтожено, мятущаяся, незлобивая...»

Итак, мы видим Асю, когда она, «до смерти» голодная, садится обедать, но вдруг застывает в раздумьи и бросает ложку. Ей уже расхотелось есть, это первое, полное таинственной прелести противоречие, является камертоном ее сложной души. В дальнейшем мы увидим это хватанье и бросание ложки во всех поступках Аси, сейчас же она садится на диван и предается серьезным занятиям: она хандрит, кроме очереди войны «все изничтожено, все уничтожено, мятущаяся, незлобивая...»

Итак, мы видим Асю, когда она, «до смерти» голодная, садится обедать, но вдруг застывает в раздумьи и бросает ложку. Ей уже расхотелось есть, это первое, полное таинственной прелести противоречие, является камертоном ее сложной души. В дальнейшем мы увидим это хватанье и бросание ложки во всех поступках Аси, сейчас же она садится на диван и предается серьезным занятиям: она хандрит, кроме очереди войны «все изничтожено, все уничтожено, мятущаяся, незлобивая...»

Итак, мы видим Асю, когда она, «до смерти» голодная, садится обедать, но вдруг застывает в раздумьи и бросает ложку. Ей уже расхотелось есть, это первое, полное таинственной прелести противоречие, является камертоном ее сложной души. В дальнейшем мы увидим это хватанье и бросание ложки во всех поступках Аси, сейчас же она садится на диван и предается серьезным занятиям: она хандрит, кроме очереди войны «все изничтожено, все уничтожено, мятущаяся, незлобивая...»

Итак, мы видим Асю, когда она, «до смерти» голодная, садится обедать, но вдруг застывает в раздумьи и бросает ложку. Ей уже расхотелось есть, это первое, полное таинственной прелести противоречие, является камертоном ее сложной души. В дальнейшем мы увидим это хватанье и бросание ложки во всех поступках Аси, сейчас же она садится на диван и предается серьезным занятиям: она хандрит, кроме очереди войны «все изничтожено, все уничтожено, мятущаяся, незлобивая...»

Итак, мы видим Асю, когда она, «до смерти» голодная, садится обедать, но вдруг застывает в раздумьи и бросает ложку. Ей уже расхотелось есть, это первое, полное таинственной прелести противоречие, является камертоном ее сложной души. В дальнейшем мы увидим это хватанье и бросание ложки во всех поступках Аси, сейчас же она садится на диван и предается серьезным занятиям: она хандрит, кроме очереди войны «все изничтожено, все уничтожено, мятущаяся, незлобивая...»

Итак, мы видим Асю, когда она, «до смерти» голодная, садится обедать, но вдруг застывает в раздумьи и бросает ложку. Ей уже расхотелось есть, это первое, полное таинственной прелести противоречие, является камертоном ее сложной души. В дальнейшем мы увидим это хватанье и бросание ложки во всех поступках Аси, сейчас же она садится на диван и предается серьезным занятиям: она хандрит, кроме очереди войны «все изничтожено, все уничтожено, мятущаяся, незлобивая...»

В 1940 году Борис Агатов написал статью, которая называлась «Огненный воздух». В статье рассказывалось об одной из работ академика Капица: установке, дающей жидкий воздух. Когда писатель рассказывает о научном открытии, в его сообщении должны присутствовать три обязательных элемента: понятность, увлекательность и безупречная научная точность. Это очень трудно. И, пожалуй, одной из труднейших тем такого рода являются работы Института физических проблем, в частности, работы академика Капица.

Статья «Огненный воздух» очень характерна для Агатова. В ней полно и энергично выявлены основные черты писателя, и поэтому хочется вернуться к этой статье, написанной несколько лет назад.

Агатов рассказывает читателю о кислородной установке, которую он ищет, и поэтому хочется вернуться к этой статье, написанной несколько лет назад.

Агатов рассказывает читателю о кислородной установке, которую он ищет, и поэтому хочется вернуться к этой статье, написанной несколько лет назад.

Агатов рассказывает читателю о кислородной установке, которую он ищет, и поэтому хочется вернуться к этой статье, написанной несколько лет назад.

Агатов рассказывает читателю о кислородной установке, которую он ищет, и поэтому хочется вернуться к этой статье, написанной несколько лет назад.

Агатов рассказывает читателю о кислородной установке, которую он ищет, и поэтому хочется вернуться к этой статье, написанной несколько лет назад.

Агатов рассказывает читателю о кислородной установке, которую он ищет, и поэтому хочется вернуться к этой статье, написанной несколько лет назад.

Агатов рассказывает читателю о кислородной установке, которую он ищет, и поэтому хочется вернуться к этой статье, написанной несколько лет назад.

Агатов рассказывает читателю о кислородной установке, которую он ищет, и поэтому хочется вернуться к этой статье, написанной несколько лет назад.

Агатов рассказывает читателю о кислородной установке, которую он ищет, и поэтому хочется вернуться к этой статье, написанной несколько лет назад.

Федор КЕЛЬИН Народный поэт
Испании—жертва Франко

Волна негодования, поднятая во всем мире злодейским убийством палачами Франко десяти испанских революционеров, заставляет нас еще раз вспомнить трагическую судьбу крупнейшего поэта «Молодой Испании» Мигеля Эрнандеса, погибшего в 1942 г. в франкистском застенке.

Мигель Эрнандес родился в г. Ориуэла (провинция Аликанте). В детстве он был пастухом, — это было занятие и его отца, — и рано познакомился с народной нищетой и горем. Позднее он имел полное право сказать о себе:

О, мой народ, узнай я рано
Во тьме большаки, на дне трагической
Все беды родины моей.

В Мадрид (где он появился около 1931 г.) поэт пришел вместе со свежим ветром с испанских равнин горечь великой народной нищеты, тоску испанского крестьянина о земле, страстную жажду свободы, ненависть к властям господ, «сеноритов», к церкви, к военной клике. Недаром «ветер испанских равнин» стал позднее в стихах Мигеля Эрнандеса символом несгибаемой воли Испании к победе, к освобождению.

Эта неподдельная народная стихия, ворвавшись вместе с Мигелем Эрнандесом в испанскую поэзию 30-х годов, почти сразу обеспечила ему прочное положение среди представителей «Молодой Испании», хотя ему пришлось выступать рядом с такими сильными поэтами, как Федерико Гарсия Лорка и Рафаэль Альберти, радостно приветствовавшими появление нового дарования. Слава о чудесном парне из Ориуэлы быстро распространилась в литературных кругах Мадрида, а затем в провинции. Со стихами, которые писал Мигель Эрнандес, почти сразу случилось то же, что с «шпаныским романсеро» Лорки. Тот «ветер Испании», внесенный им в испанскую литературу 30-х годов, подхватил его песни и стихи. Они проникли в самые отдаленные уголки страны, сделались народным достоянием.

Нарастающая волна революционных событий в республиканской Испании, те высокие требования, которые народ стал предъявлять к поэтам, заставили Мигеля Эрнандеса еще более углубить свое творчество. В его поэзии зазвучали голоса великих поэтов испанского золотого века: Гарсиласо, Лопе-де-Вега, Гонгори, Кальдерона. Ветер, этот основной символ его поэзии, теперь наполнился благоуханием цветов испанского Возрождения, той ветви Испания, которая с такой силой всегда проявляла себя в лучших созданиях испанского народного гения. У Мигеля Эрнандеса это обращение к классической литературе Испании не было плодом рабского подражания. Став классиком в самом высоком смысле этого слова, Мигель Эрнандес только проделал путь, который до него прошли два других крупных поэта современной Испании — Антонио Мачадо и Федерико Гарсия Лорка. Если первый из них был в испанской поэзии создателем лирического романа, а второй — романа лирического, то Мигель Эрнандес принадлежит к беспорочно слава создания героического романа, т. е. народной песни борьбы и свободы. Столь разные по особенностям своего дарования, все три поэта выполняли идеальную творческую задачу своего народа, — и все трое пали в борьбе за великое дело освобождения своей страны от гнета фашистского тирана. В начале войны — подлое убийство Лорки в Гранаде и в дни «трагического исхода» испанского народа — смерть великого старика Антонио Мачадо в пограничном французском городке Кольере; на втором новом этапе войны — гибель Мигеля Эрнандеса в застенке «голубой империи» Франко. Но голоса поэтов звучат и

неудержимой силой в передовой Испании наших дней, зажгав сердца, наполняя их страстным стремлением к свободе. Франко и его иностранные покровители могли убить поэтов, но оказались бессильными против их поэзии.

С первых дней преступного генеральского митета, поднятого Франко по предписанию Гитлера, Эрнандес вступил в ряды народной армии, где вскоре занял пост политического комиссара в одной из дивизий. Он не только писал стихи. На вопрос одного из своих друзей, что он делает в армии, поэт ответил: «Стреляю в врага». Его можно было встретить на самых опасных участках фронта.

В своих знаменитых стихах поэт от имени «народного ветра» призывает испанцев объединиться для борьбы с общим врагом. В стихотворении «Долгорос он обещал векам замечательный портрет этой славной дочери испанского народа. В его романах и поэмах всегда звучала тема международной солидарности. Когда на фронте дал смертью героя кубинский поэт Пабло де-ля-Торральяте, Мигель Эрнандес написал ему глубоко прочувствованные стихи. Талантливый драматург и большой поклонник сценического искусства, Эрнандес автор интереснейшей пьесы «Красавец крестьянин», в которой он удачно соединил принципы классического испанского театра с требованиями нового времени, и нескольких пьес для фронтового театра. Осенью 1937 года Мигель Эрнандес приехал в Советский Союз.

Мне довелось встретиться с Мигелем Эрнандесом во возвращении его из Москвы в Валенсии, и я помню, с каким искренним восторгом говорил он тогда о Советском Союзе, о нашей культуре и театре, о пьесе А. Корнейчука «Гибель эскадры», произведшей на него особенно сильное впечатление.

Победа Франко и «великий исход» испанского народа заставили Мигеля Эрнандеса в рядах Народной армии. Захваченный франкистскими палачами, он был приговорен сперва к смертной казни, а затем к пожизненному заключению. Замена одной меры наказания другой ни в какой степени не была актом милосердия со стороны франкистского правительства; о подлинном смысле этого акта красноречиво свидетельствует дальнейшая судьба поэта. Пересылаемый из одной тюрьмы в другую, содержавшийся всегда в самых жесточайших условиях, он скоро дошел до последней стадии туберкулеза. Франко и его палачи от этого прекрасно знали и преданно подвергали поэта медленной и мучительной смерти. Когда весте о тяжелом состоянии больного проникла в латино-американские дипломатические круги в Мадриде, со стороны отдельных правительств Латинской Америки были предприняты безуспешные шаги к тому, чтобы добиться улучшения участи Мигеля Эрнандеса.

Так погиб Мигель Эрнандес, с полным основанием признаваемый сейчас третьим великим поэтом народом Испании. Как его старшие товарищи — Федерико Гарсия Лорка и Антонио Мачадо, Мигель Эрнандес пал жертвой подлых фашистских ставленников.

Но Мигель Эрнандес, как Лорка и Мачадо, продолжает жить в памяти своего народа, пусть еще и закованного в цепи тяжелого рабства. О Эрнандесе можно сказать словами матери из одной его фронтовой пьесы:

Если ты падаешь в бою,
Знай, что мертвыми ты не будешь,
Смерть ты победишь снова...
Вечно жив, везде со мною,
Среди испанских жив и горю,
Слышай на светлых звездах
И пылаешь, как метеор...

Х. ВАСИЛЕВ
„Село Борово“

Роман Крума Велова «Село Борово» — бесспорно, одно из лучших произведений современной болгарской беллетристики. Сюжет романа — жизнь сельского населения Болгарии непосредственно перед сентябрьским восстанием 1923 года. Деревенский кулак Нако захватил в свои руки прибалканское село Борово, которое он грабит с беспремерной наглостью. Он — и сельский старшина, и владелец корчмы, и владелец продовольственной лавки. Он сужает за чудовищные проценты деньги нуждающимся крестьянам, держит всю округу в полном подчинении. Пользуясь фальшивыми документами, он неограниченно эксплуатирует лес. Податки и некоторые чехи чиновники из лесного ведомства оканчивают Нако кончают с ним, так как его поддерживают люди, сидящие в высших государственных органах. Нако решает основать деревообрабатывающее предприятие. На фабрику поступает в качестве механика племянник Нако, Марин, сознательный протаргари, раньше работавший в городе. Марин создает в селе партийную организацию, которая во время сентябрьского восстания подвела крестьян на вооруженную борьбу против кровавой реакции. Интересы Нако защищает адвокат Банко — беспринципный карьерист и шпун. На стороне Марина — сельская масса, мичиканец Игнат, дочь учителя Василева, студентка-медицина. Иногда к ним примывает и отец ее, старый социалист, беспомощно капитулирующий перед врагом. В последний момент он уходит вместе с народом и погибает, как честный человек. Восстание было подавлено отъем и мечом, Марин и его товарищи жестоко пострадали. Но на фабрике снова работают рабочие, и новый механик начинает восстанавливать партийную организацию. Хотя роман завершается временным торжеством Нако, борьба трудового народа продолжается.

Роман Велова в отдельных своих местах весьма наивен и схематичен, но, несмотря на все это, он обладает заражающей силой истинно талантливого художника — способностью видеть и описать объективную действительность. Нет другого произведения в болгарской литературе, в котором был бы показан так выразительно жестокий образ кулака, каким дал его Крум Велов в образе Нако. С большой убедительностью показал автор мачуную картину эксплуатации и искусственно поддерживаемого в селе невежества.

Победа Франко и «великий исход» испанского народа заставили Мигеля Эрнандеса в рядах Народной армии. Захваченный франкистскими палачами, он был приговорен сперва к смертной казни, а затем к пожизненному заключению. Замена одной меры наказания другой ни в какой степени не была актом милосердия со стороны франкистского правительства; о подлинном смысле этого акта красноречиво свидетельствует дальнейшая судьба поэта. Пересылаемый из одной тюрьмы в другую, содержавшийся всегда в самых жесточайших условиях, он скоро дошел до последней стадии туберкулеза. Франко и его палачи от этого прекрасно знали и преданно подвергали поэта медленной и мучительной смерти. Когда весте о тяжелом состоянии больного проникла в латино-американские дипломатические круги в Мадриде, со стороны отдельных правительств Латинской Америки были предприняты безуспешные шаги к тому, чтобы добиться улучшения участи Мигеля Эрнандеса.

Памяти Святополка Чеха
На вечере в ВОК

Исполнилось сто лет со дня рождения выдающегося чешского писателя Святополка Чеха. Талантливый художник родится в деревне Остедон (Южная Чехия) в семье управляющего экономией. По окончании университета С. Чех несколько лет редактировал прогрессивный журнал «Кветы» («Цветы»).

Литературная и общественная деятельность С. Чеха протекала под знаменем борьбы за свободу и самостоятельность родной страны. Широко известность приобрели книги С. Чеха «Утренние песни» и «Песни раба», цикл рассказов-стихотворений «В тени липы», — в них мастерски изображены типы современной ему Чехии. В сатирических стихах («Гануанам») и прозе («Прогулка по Брюнчука на луну» и др.) С. Чех с огромной обличающей силой создал портреты буржуазных самоудовольствованных.

Святополк Чех исколесил буквально всю Европу, путешествуя по России. Он был певцом братства чешского и русского народов.

28 марта Литературная секция ВОК отметила столетие со дня рождения Святополка Чеха торжественным заседанием. С речью на вечере выступил Леонид Соколов и послал Чехословакии в СССР г-н Ю. О. Горак. Доклад о творческом пути Святополка Чеха сделал член-корреспондент Академии наук СССР проф. В. Пичета.

В концерте, которым закончился вечер, приняли участие В. Марешкая, Т. Янко и Ю. Брюшчок.

Новый французский перевод
„Вечера накануне Ивана Кулапа“

В Париже в издательстве «Меркюр» вышел перевод «Вечера накануне Ивана Кулапа» Н. Гоголя.

«Перевести на французский язык одну из повестей Гоголя, где юмор сочетается с фантастическим элементом, — задача трудная и почетная. Блестящий стиль красочного ума — все это составляет почти непреодолимые препятствия для переводов». Однако, по словам рецензента «Бюллетеня критик дю ливр франсэ», переводчики Ландре и Велл успешно справились со своей задачей. К книге приложен русский текст.

книга, посвященная драматургии Горького, — «Борьба Горького и театр». Были проведены две конференции, посвященные 35-летию первых представлений пьес «Мещанине» и «На дне». Ежегодные горьковские конференции, обсуждение новых спектаклей, сбор неперечисляемого справочного и иконографического материала, выпуск сборников и монографий также входят в круг деятельности кабинета.

Советская театральная действительность с течением времени подталкивала необходимость расширения научно-творческой работы ВТО, и вскоре Шекспировский кабинет превратился в «Кабинет западно-европейского театра». «Кабинет Островского» стал «Кабинетом театра Островского и русской классики», а Горьковский кабинет получил название «Кабинета театра Горького и советской драматургии». Круг вопросов, которыми занимаются кабинеты, значительно вырос.

Но практика советского театра продолжает оставаться в основном теоретическими проблемами, требующими создания новых форм работы. Так возникла потребность в организации специального «Кабинета актера и режиссера», в котором разрабатываются специфические вопросы творчества, например, проблема психологической школы актерской игры, вопросы героического театра, проблема жанра в творчестве актера и режиссера и т. д.

В 1941 г. открылся «Кабинет музыкального театра», который в годы войны провел пять научно-творческих сессий, посвященных оперному творчеству Чайковского, Римского-Корсакова, Глинки, Танеева и Рахманинова и принявшим их сценическое воплощение. Особое значение принадлежит организации новых творческих советов, которые были проведены в порядке подготовки к предстоящей 2-й Всесоюзной режиссерской конференции.

Всероссийское театральное общество, объединяя передовые талантливые силы нашего театра, несомненно будет и впредь способствовать успешному развитию советского театрального искусства.

29 марта в Москве в Концертном зале им. Чайковского открылся съезд Всероссийского театрального общества, приуроченный к 60-летию существования общества.

Год назад Всеволод Иванов обещал своим читателям написать книгу фантастического рассказа. Это обещание он выполнил. Книжку о жизни и творчестве писателя с интересом прослушали рассказчик и дали ему высокую оценку. В обсуждении приняли участие К. Паустовский, Б. Лавренев, О. Черный, Н. Москвин, А. Писменский и др.

В СОЮЗЕ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР
Творческие вечера Гегама Саряна

Президиум Союза советских писателей и Совет клуба провели на днях творческие вечера поэта-депутата Г. Саряна. Вступительное слово на вечере сделал В. Кириченко. Он подробно охарактеризовал творчество Г. Саряна, проанализировал его стихи — «Гюльханда» и «Делегат», рассказал о благотворном влиянии культуры русского народа на армянскую культуру, дал оценку стихов Гегама Саряна, написанных в годы Отечественной войны.

Гегама Сарян прочел на армянском языке два своих стихотворения — «Прощание» и «Тоска». В. Зянгинцева прочитала переводы баллад Саряна «Дзифрош и Элиури», «Мать» и несколько лирических миниатюр. Стихи Гегама Саряна читали также М. Светлов и артисты В. Обухова, О. Френкель, Е. Пазовета.

26 марта вечер Гегама Саряна состоялся в Доме культуры Армении.

Стихи Льва Длинга

На состоявшемся на днях заседании секции поэтов ЦСП СССР Лев Длинга прочел стихи, написанные им во время и после войны, а также сделанные им переводы стихов еврейского поэта С. Ашендорфа (город Львов).

Большинство товарищей, принявших участие в обсуждении (В. Инбер, А. Аро, В. Ленин и др.), отметили, что Лев Длинга проявил себя в военных стихах хорошим рассказчиком, мастером поэтического репортажа. Но слабой стороной некоторых его стихов является, по мнению В. Инбера, искусственная патетика. М. Алигер считает, что лирические стихи Льва Длинга лучше, чем стихи повествовательного типа. В последние годы появилось много поэтических неоправданных прозаизмов. Л. Длинга оценок получили сделанные им переводы стихов мало известного у нас талантливого поэта С. Ашендорфа.

Неудачные сборники

В Казани периодически выпускаются сборники произведений русских авторов, входящих в литературное объединение при казанском музее имени Горького. На днях в национальной комиссии ЦСП СССР обсуждались два таких сборника — «За урожай победы» и «Страна родная». Первым из них руководил писатель русской секции ЦСП СССР Г. Д. Голосницкий и «предназначен для колхозной эстрады и «громкой четки в полевых станах», второй посвящается 25-летию Татарской АССР.

Участники обсуждения единодушно отметили идеиную и художественную недоборачность сборников. О. Резник в своем выступлении иллюстрирует многолетними примерами из чашечки, «куплет», стихов, «кантаты» и басен незрелости, литературную и политическую беспомощность произведений, напечатанных в поэтическом разделе сборников, в частности, это относится к стихам М. Елизаровой и С. Томсу.

Пьесы и рассказы, помещенные в сборники, стоят на еще более низком уровне, чем стихи. «Адалка» М. Елизаровой и «Научная консультация» Л. Голосницкого не годятся ни для постановки, ни для чтения. В них много сюжетов, так называемых сценческих положений, неправдоподобны характеры действующих лиц.

Рассказ М. Елизаровой «Рождение мечты» построен на неверном утверждении, будто ненависть к немцам рождалась у русских людей в результате только личных потерь и утрат от гитлеровского нашествия. Сосюжающим, псевдонародным говором объясняют герои рассказа.

В сборнике «Страна родная» основное место занимает повесть Е. Колесниковой «Жизнь продолжается». Повесть написана серо, бездушно и так тягуче, что ее можно продолжать до бесконечности и в той же мере сокращать. Тема повести — переживания матери в связи с гибелью сына на фронте, почти перед самой победой. «Что-то широкое, свободное, как море, вливалось в душу» матери и... утешало ее. Так заканчивается повесть.

из, изучение и отбор лучших произведений национальной драматургии для перевода и постановки их на сценах театров других народов СССР.

Недавно организован новый кабинет — «Кабинет театра зарубежья славян».

ВТО стремится к тому, чтобы разработать теоретические вопросы, способствующие развитию творческой работы в театре. Это позволяет ВТО оказывать большую помощь и органам государственного руководства искусством, совместно с которыми оно проводит многие важные научно-творческие и методические конференции и совещания. Так были организованы конференции — «Образ Ленина в драматургии, театре и кино», 1-я режиссерская конференция, два смотра национальных театров РСФСР, смотр спектаклей русской классики в театрах РСФСР, творческие сессии: «Театры Ураю-Кубассы в дни Отечественной войны» и «Театры освобожденных районов РСФСР», смотр фронтовых театров и т. д. Успешное осуществление этих мероприятий стало возможным благодаря активной работе местных организаций ВТО. Первая организация ВТО на территории возникла в 1934 г. в г. Горьком, а сейчас их насчитывается уже 54.

Местные организации ВТО проводят обсуждение спектаклей, привлекая к участию творческий актив города, а иногда и области. В ряде городов созданы библиотеки по вопросам искусства. Открыты Дома актера, проводятся широкая пропаганда искусства среди трудящихся, созданы лектории по повышению идейно-творческого уровня работников искусства. Большую активность проявили члены ВТО на межобластных режиссерских конференциях, которые были проведены в порядке подготовки к предстоящей 2-й Всесоюзной режиссерской конференции.

Всероссийское театральное общество, объединяя передовые талантливые силы нашего театра, несомненно будет и впредь способствовать успешному развитию советского театрального искусства.

29 марта в Москве в Концертном зале им. Чайковского открылся съезд Всероссийского театрального общества, приуроченный к 60-летию существования общества.

Памятные даты
Ф. М. РЕШЕТНИКОВ

Семьдесят пять лет назад, 21 марта 1871 года, в Петербурге умер талантливый русский писатель Федор Михайлович Решетников.

Первое крупное произведение Решетникова — повесть «Подолпиновцы» была посвящена бурлакам, самой обездоленной части русского трудового народа. Человек, хорошо знавший историю русской литературы середины XIX века, может легко понять, какое впечатление эта повесть произвела в литературе и в обществе.

Тургенев, необычайно чуткий ко всему новому в жизни и в искусстве, писал: «...как бы порадовался он (Белинский — А. Л.) поэтическому дару Д. Н. Толстого, силе Островского, юмору Писемского, сатирике Салтыкова, трезвой правде Решетникова» («Воспоминания о Белинском»).

Но Решетников внес в русскую литературу не только «трезвую правду» художественного изображения. Он показал новые типы русских людей, с новыми интересами и стремлениями.

Герои Решетникова — люди ежедневного тяжелого, измучительного труда. Дворянская критика презрительно отзывалась о повести Решетникова, утверждая, что персонажи произведения «элементарны», «простейшие» возбуждения и интересы, как какими-нибудь амёбам или инфузориям. Да, это были простые, элементарные заботы — о заработке, о пище, об одежде, а не о том, как «она на него взглянула» и «это выразилось в этом взгляде ее прелестных глаз» и т. д., но о чем же и могли думать бедные труженики Решетникова, когда они были лишены всего самого необходимого в жизни!

Хорошо зная Урал, Решетников в романах «Горнорабочие», «Лумовые», повести «Скрипка» рассказывает о жизни рабочих горных заводов. Он первый вел эту материальную литературу.

В своих героях-рабочих писатель отметил черты, которые возмущают его бурлаками — еще полурезкими, но сути дела: рабочие Решетникова истосковались по отпуску по отношению к окружающему миру, все они, от пятилетнего ребенка до последней минуты ненавидят всякого начальника, тогда как в бурлаках еще много патриархально-крестьянского благодушия.

С беспощадным реализмом Решетников говорил о том, в каких ужасных условиях жила масса русского народа, и его охватывало одно горячее желание: о котором он застенчиво-робко сообщал в письме Некрасову: «Хоть сколько-нибудь помочь этим бедным труженикам... Наша литература должна говорить правду».

Произведения Решетникова проникнуты глубоким гуманизмом, духом любви к простому народу, пониманием его человеческой красоты.

С особой симпатией, с уважением и гордостью Решетников рисовал русскую женщину из народа — бедную труженицу, обиженную и обманутую, но умную, при всем том сохраняющую внутреннее достоинство, доброту и силу духа. Показательно в этом смысле героиня его романа «Еле лучше?». «Пелагея Прохорова Мокроусова», «Мастерская вдова» Пелагея Прохорова, молодая, красивая, энергичная женщина, в грубой, жестокой, полной лишений и нравственных унижений обстановке ведет себя, как настоящая героиня, — находит в себе силу не поддаться давлению среды, устоять и сохранить себя, свою женскую честь и человеческое достоинство.

Недаром Салтыков-Щедрин называл эту героиню Решетникова «типом прелестнейшей русской женщины».

В этом гуманизме, в пафосе человечности, в нахождении человеческой прелесть там, где ее и не подозревала современная Решетникову литература, главное достоинство его творчества.

ПОВЫЕ КНИГИ
«СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ»

П. Антокольский. «Третья книга войны». Отклик. В книге три рассказа: «От Огня до Берлина», «84 год до войны», «Голоса брашсунов». Стр. 101, цена 3 р. 50 к.

Б. Яковлев. «Современные нравы». Отклик. Стр. 111, цена 3 р. 50 к.

Н. Емельянов. «В Уссурийском тайге». Повесть. Стр. 239, цена 3 р. 50 к.

И. Погода. «Уральские рассказы». Стр. 207, цена 3 р. 50 к.

Е. Воробей. «Пестрая гордость». Рассказы: «Одна минута», «Где ты ушла, где этот дом», «Действительная служба» и др. Стр. 182, цена 4 р.

В. Коленко. «Остров Баранова». Роман. Стр. 411, цена 7 р. 50 к.

Е. Леонидов. «Третья воята». Повесть. Стр. 184, цена 6 р.

И. Васильев. «Моя дедушка». Повесть и рассказы: «Башкиры и якуты», «Адремки и дикарь», «Повесть о зеленом стелушке» и др. Стр. 211, цена 9 р. 50 к.

«Повести Киргизии». Отклик. 1941 — 1944 гг. В сборник вошли стихи Алмазкула, Д. Бекбаева, К. Малкова, А. Токомбаева и др. Переводы: А. Адаш, В. Вильнюш, С. Липкина, С. Орловский. Стр. 101, цена 3 р. 50 к.

А. Аббас. «Навигатор». Роман. Перевод с узбекского под редакцией П. Сметова. Стр. 375, цена 18 р.

ОБЛАСТНЫЕ ИЗДАТЕЛЬСТВА

«О. Лепнев». Сборник художественных произведений. Книга открывается рассказом И. Стеллина о Ленине, произведенном на вечере кремлевских кургантов 28 января 1924 г.

В книгу вошли произведения М. Горького, В. Маяковского, А. Гриняева, В. Иванова, М. Исаковского, А. Твардовского, С. Шипачева, И. Яблова, С. Есенина, А. Сурикова, М. Рыльского и Джамбула. Стр. 80, цена 15 руб. Ростовское областное издательство.

Е. Евлахов. Стр. «Лавское солнце». Сборник стихов для детей. Рисунки и обложка худ. Ив. Таткова. Стр. 44, цена 30 коп., цена 2 р. 20 к. Новосибирское областное издательство.

«Августовские рассказы». Повесть. Издательство «Ленинград». Стр. 100, цена 15 руб. Воронежское областное издательство.

М. Шолохов. «Они сражались за родину» (главы из романа). Стр. 100, цена 10 руб. Воронежское областное издательство.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

В связи с исполнением 25-летия моей литературно-творческой деятельности мною получено много благодарных писем и писем от организаций, друзей и читателей.

Разрешите, тов. редактор, выразить через вашу газету мою глубокую признательность за оказанное мне внимание.

Сабит МУКАНОВ.

Редакция: Б. ГОРБАТОВ, Е. КОВАЛЬЧИК, В. КОЖЕВНИКОВ, С. МАРШАК, Д. ПОЛИКАРПОВ, Л. СОБОЛЕВ, А. СУРКОВ (отв. редактор).

Музей Н. Островского получил вышедшие за границей переводы книг Николая Островского: «Как закалялась сталь» — на болгарском, сербском, хорватском, словенском и румынском языках и «Рожденные бурей» — на болгарском, сербском, венгерском и финском языках.

В. ВИКТОРОВ 60 лет ВТО

Возникшее по инициативе выдающейся русской актрисы М. Г. Савиной как «Общество для пособия нуждающимся сценическим деятелям», претерпев значительные изменения за 60 лет своей жизни, Всероссийское театральное общество превратилось в крупную творческую организацию, тесно связанную с практической работой советского театра.

В течение последних 30 лет во главе Всероссийского театрального общества бесспорно стоит старейшая русская актриса, ныне народная артистка Союза ССР, лауреат Сталинской премии А. А. Яблочникова.

В первые годы Общество вынуждено было ограничивать свою деятельность оказанием материальной помощи нуждающимся артистам театра. По инициативе М. Г. Савиной, в Петербурге было организовано «Общество для престарелых артистов», где одинокие ветераны сцены в преклонном возрасте находили приют и покой.

Но передовые деятели русского театра выдвинули перед Обществом (в 1894 году переименованным в «Русское театральное общество») новые задачи.

Большую роль в объединении актеров, в постановке насущных вопросов жизни театральные сыграны Всероссийские съезды сценических деятелей. Первый из них был созван 21 марта 1897 г. Здесь впервые прозвучал голос русского актера, говорившего не только о своем тяжелом материальном положении, но и о воззвании о судьбах отечественного театрального искусства.

После Великой Октябрьской социалистической революции резко изменилось материально-правовое положение работников сцены, и многие практические вопросы, которыми раньше занималось Театральное общество, отошли к государственным органам и профсоюзу Рабис.

ВТО превратилось в общественно-творческую организацию, осуществляющую большую научно-методическую помощь советскому театру.

Советский театр углубленно работает над освоением русской и зарубежной